

УДК 347.151
ББК 67. 404. 011

Позиции отечественных цивилистов по определению понятия «физическое лицо»: ретроспективы и современность

Д.В. Пятков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Positions of Russian Civilists on the Definition of the Concept "Physical Person": Retrospectives and Modernity

D.V. Pyatkov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Предпринята попытка определения сущности физического лица с позиций досоветской российской юриспруденции. За основу взяты научные труды классиков российского гражданского права Л.Н. Дювернуа, Г.Ф. Шершеневича, Е.Н. Трубецкого. Используется то оригинальное понимание субъекта права, когда человек и физическое лицо — не одно и то же. Физическое лицо рассматривается как правосубъектность человека, его свойство, юридическое средство его деятельности. Наблюдения и выводы прилагаются к современным проблемам практики в сфере наследственных отношений (проблема «лежащего наследства»), авторских отношений (проблема охраны авторства и имени умершего автора). Имущественные права наследодателя после его смерти сохраняются за физическим лицом наследодателя до перехода этих прав к наследникам. Личные права умершего человека, которые не могут перейти к наследникам, принадлежат физическому лицу умершего человека. Таким образом, удается отказаться от использования сомнительной категории «бессубъектные права». Объясняется механизм правопреемства при наследовании, когда образуется разрыв во времени между смертью наследодателя и вступлением наследников в наследство.

Ключевые слова: человек, субъект права, физическое лицо, правосубъектность, персона, маска.

DOI 10.14258/izvasu(2018)6-35

Одним из любимых моих занятий на семинарах вот уже не первый год является обсуждение со студентами вопроса: *человек есть физическое лицо или у человека есть физическое лицо?* Надо ли говорить, какая часть предложенной дилеммы вызывает большее сочувствие как у студентов, так и у состоявшихся специалистов в области права. Даже стран-

The article attempted to determine the essence of a natural person from a perspective of the pre-Soviet Russian jurisprudence. The basis is the scientific works of the classics of the Russian civil law: N.L. Duvernua G.F. Shershenevich, E.N. Trubetskoi. The author uses an original understanding of a subject of law, when an individual and natural person are different. A natural person is considered as legal personality of an individual, his ability, legal means of his activity. The observations and conclusions made by the author are attributed to current problems of practice in the field of inheritable relations (the problem of "hereditas jacens"), copyright (the problem of protection of the right and name of a dead author). The property rights of the testator after his death shall be retained by the natural person of the testator until the transfer of these rights to the heirs. The personal rights of the deceased, which cannot be transferred to the heirs, belong to the natural person of the deceased person. Thus, it is possible to abandon the use of the doubtful category of "rights without a subject", explains the mechanism of succession in inheritance, when there is a gap in time between the death of the testator and the entry of heirs into inheritance.

Key words: individual, subject of law, natural person, legal personality, personality, mask.

но бывает видеть собеседника, который уверенно и убежденно признает, что физическое лицо именно у человека, а не само оно человек. Однако настроение аудитории быстро меняется, стоит только выяснить, что означает в юриспруденции термин «лицо». То, что это не часть человеческой головы, понимают все, но о большем догадываются немногие.

Обычно термин «лицо» в юридической литературе используется без каких-либо пояснений и определений. В некоторых ученых трудах по римскому праву можно обнаружить, что словом «лицо» переводится римский термин «persona». Например, в учебнике И.Б. Новицкого можно прочесть следующее: «Рабовладельческое общество признавало лицом (persona), т.е. существом, способным иметь права, не каждого человека» [1, с. 47]. Из этого предложения видно, что термин «persona» И.Б. Новицкий переводит как «лицо», используя это слово для обозначения человека, пускай и не каждого. Если не брать во внимание рабов, то физические лица — это люди, о чем далее недвусмысленно пишет И.Б. Новицкий. С ним как будто все солидарны, в связи с чем совершенно неожиданно звучит голос Г.Ф. Шершеневича: «Для обозначения субъекта права употребляется римский термин persona, означающий маску» [2].

У нас нет никаких оснований не доверять Г.Ф. Шершеневичу, особенно если учесть любовь римлян к театру и прочим зрелищам. Но почему Г.Ф. Шершеневич акцентирует внимание на таком переводе термина «persona»? Как раз для того, чтобы показать: физическое лицо — это не сам человек, в юридических (идеальных, правовых) отношениях людей нет и быть не может.

Итак, если заменить при обозначении субъектов права и участников правоотношений термин «лицо» словом «маска», то очевидным становится, что маска (физическое лицо) как раз у человека, а не сам человек. При таком подходе к пониманию физического лица юриспруденция получает новый инструмент, который трудно переоценить. Разрыв между физическим лицом и человеком дает широчайшие возможности для юридического моделирования в теории, в законодательстве и в хозяйственной деятельности. Признавая, что физическое лицо у человека, мы можем задать и другие вопросы: как соотносятся во времени люди и физические лица, им принадлежащие; может ли существовать физическое лицо в правоотношениях без соответствующего ему живого человека в общественных отношениях; сколько лиц в правоотношениях может быть у одного человека?

Рассматривая физические лица, Е.Н. Трубецкой утверждал: «...понятие "субъекта прав" и понятие лица, физически существующего, не совпадают между собой» [3, с. 166]. Рассуждения Е.Н. Трубецкого были сосредоточены преимущественно вокруг еще не родившихся (зародышей) или уже умерших людей, включая безвестно отсутствующих. Далее он делал весьма оригинальный для современной юриспруденции вывод: «...вообще юридическая личность человека переживает его, как лицо, физически существующее» [3, с. 168]. К различию между человеком и субъектом права (лицом) Е.Н. Трубецкой вновь

обращается, говоря уже о лицах юридических, особенно выделяя следующие слова: «Субъект прав — вообще не то же, что физически существующее человеческое лицо...» [3, с. 182–183].

Рассуждения Е.Н. Трубецкого носили и до сих пор имеют вполне прикладной характер, объясняя некоторые «странные» законодательные решения. Примером может стать проблема «лежачего наследства». Известно, что наследники становятся собственниками имущества хотя и со дня смерти наследодателя, но не ранее чем через шесть месяцев с этого дня. Наиболее интересным является то обстоятельство, что наследник долгое время может и не знать о наследстве и примет его далеко не сразу, как оно откроется. В любом случае, до того как наследник задним числом станет собственником унаследованного имущества, собственником надо бы считать наследодателя, который уже умер. Трубецкой так комментировал эту ситуацию: «Чтобы признать права наследников, нужно признать, что права наследодателя, которые к ним переходят, представляют собою нечто не прекратившееся, длящееся после смерти наследодателя» [3, с. 169]. Но если права не прекращаются в момент смерти человека, следует допустить одну из двух ситуаций: либо права продолжают существовать без субъекта (в данном случае без физического лица), либо субъект этих прав (физическое лицо) продолжает существовать без человека. Второе допущение легко объяснимо принципиальным разграничением человека и физического лица. Что касается первого варианта, то идея бессубъектных прав, конечно, давно присутствует в юриспруденции, но вряд ли может составлять конкуренцию классическому пониманию юридической действительности, когда право обязательно субъектно.

Вот как, например, реагировал на идею бессубъектных прав еще один наш выдающийся юрист прошлого Л.Н. Дювернуа: «Более обличительного результата смешения понятий человека и лица в гражданском смысле нельзя придумать. Его нашел Виндшейд, натурально, не в римском праве, где его нет. Оно не нужно и для нашего права, ибо хотя у нас, иначе чем у римлян, личен всякий человек, но нет никакой надобности ограничивать применения личного сферой волеспособного человека и не допускать мыслить личности там, где она не дана непосредственно волей отдельно взятого человека» [4, с. 252]. Как видно из этой цитаты, Л.Н. Дювернуа категорически не соглашается оправдывать бессубъектными правами неприемлемое для него отождествление человека и лица. Напротив, скорее разграничением человека и лица он готов бороться с «ересью» бессубъектных прав. Кстати, сам Л.Н. Дювернуа не остался в стороне от разрешения проблемы «лежачего наследства». Разумеется, он решал ее, разграничивая человека и его лицо в праве: «Когда уходит со сцены

предположенный нами деятельный субъект гражданской правоспособности, то, с этим вместе, цельная в его лице сфера гражданских отношений не исчезает тотчас, вместе с ним. Свойство этих отношений личное, сосредоточенное, удерживается, временно, в известной степени неподвижности, в «*лежащем наследстве*» (*hereditas jacens*). Можно ли назвать это сосредоточенное состояние имущества *безличным*, хотя временно нет известного человека, определенного индивидуума, который давал бы *активный* характер этой сосредоточенной гражданской силе? Отнюдь нет, ибо для наличности гражданской правоспособности нет нужды (и не в одном этом случае) в непрестанно деятельном состоянии правоспособного субъекта» [4, с. 238].

Затронутой выше проблеме наследственного права может быть дан еще один комментарий. Г.Ф. Шершеневич так описывал проблему правосубъектности при открытом, но еще не принятом наследстве: «По отношениям, установленным наследодателем, иски предъявляются к лицу умершего собственника (Уст. гражд. суд., ст. 215). Закон в этом случае считает как будто, что субъектом имущества продолжает быть наследодатель, но так как в действительности последний не существует как реальное лицо, то субъектом наследственной массы является фиктивное лицо, т.е. юридическое» [5, с. 92].

Обращает на себя внимание некоторая легкость и непринужденность в использовании выражения «иски предъявляются к лицу умершего собственника». Не к умершему собственнику, а к лицу собственника. Сейчас так никто не выражается. Вместе с тем в этой фразе отчетливо отразилась идея противопоставления человека и его лица: собственник (человек) и его лицо в праве — это различные явления. При чтении этого отрывка из учебника 1907 г. издания создается впечатление, что Г.Ф. Шершеневич принципиально не возражает по поводу разделения человека и его лица, вопрос для него лишь в том, будет это лицо физическим или же произойдет его замена на юридическое лицо. Другими словами, если человек жив, то в правовых отношениях он представлен физическим лицом, а если человек умер, то в правовых отношениях он все еще представлен, но уже фиктивным, т.е. юридическим лицом. Примечательно, что этот отрывок исчез из более позднего издания учебника (1911 г.), где мы не находим прежнего противопоставления физических лиц юридическим как реальных лиц фиктивным лицам, где физические и юридические лица для Г.Ф. Шершеневича становятся явлениями одного порядка [2].

Говоря о «лежащем наследстве», классики пытались разглядеть *лицо* рядом с имуществом умершего человека. Мы же записали в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) [6], что кредитор наследодателя должен предъявлять иск к на-

следственному имуществу (ст. 1175). Вряд ли это прогресс.

Е.Н. Трубецкой вплотную приближается к противопоставлению человека его физическому лицу, но не заявляет прямо о полном и окончательном выводе человека за пределы правовых отношений, когда бы в них осталось только идеальное, мыслимое физическое лицо реального видимого и осязаемого человека. Допуская существование субъекта права по фамилии Петров, при том что реальный человек с такой фамилией уже умер, Е.Н. Трубецкой тем не менее не противится отождествлению субъекта правоотношений с человеком Петровым, когда он еще жив. Впрочем, ученый и не настаивает в категоричной форме на таком отождествлении. Создается впечатление, что, увидев в какой-то момент разрыв между субъектом права (физическим лицом) и соответствующим человеком, Е.Н. Трубецкой оставляет без внимания всю открывающуюся при таком разрыве перспективу. Если хотя бы однажды человек и физическое лицо явно расходятся, их всегда следует воспринимать как принципиально различные категории.

Было бы неверно говорить, что существуют субъекты права — живые люди и субъекты права — мертвые люди. Правильнее выражаться так: среди субъектов права существуют физические лица как живых людей, так и умерших. Может быть, Е.Н. Трубецкой не считал нужным для своего исследования акцентировать на этом внимание, но его понимание правоотношений позволяет утверждать, что в его системе взглядов физическое лицо не только не то же самое, что человек, но более того — это всегда не человек, оно в принципе не может быть человеком. Вот его мнение относительно сути правовых отношений: «Возможность существования идеальных субъектов права обусловлена самой природой правоотношений. *Юридические отношения суть вообще идеальные отношения между лицами...* Все правоотношения суть идеальные, мыслимые отношения, а не физические; вот почему и субъектами правоотношений могут быть лица идеальные, мыслимые, которых нельзя видеть или осязать. Рядом с индивидуальными, физическими лицами существуют и лица собирательные, которых принято называть лицами юридическими» [3, с. 183]. Понятно, что при таком взгляде на правоотношения физическое лицо в нем не может быть человеком. В идеальных, мыслимых отношениях не может быть плоти и крови. В них все должно быть только идеальным, мыслимым. Физическое лицо в равной мере с юридическим лицом и по тем же причинам не может быть осязаемо и видимо «телесными очами».

Правы авторы современного очерка о гражданском правоотношении, когда пишут: «... понимание правоотношений как отношений фактических, выделяющихся лишь урегулированием нормами пра-

ва, является ошибочным» [7, с. 201]. Можно долго подбирать выражения, для того чтобы показать суть правоотношений («одежда» фактических отношений, слепок с них, отражение, модель), для начала важно определиться, что правоотношение — это не общественное отношение целиком, даже не его часть (сторона, аспект).

Примечательно, что Е.Н. Трубецкой противопоставляет физические лица юридическим лицам не как реальные (видимые, осязаемые) идеальным (мыслимым), а как индивидуальные собирательным. При каком условии физическое лицо может стать рядом с идеальным, мыслимым юридическим лицом в идеальных, мыслимых правовых отношениях? Только если оно будет лишено телесности (видимости, осязаемости), т.е. не будет человеком.

Удивительное дело, но приблизительно в это же время, когда публикуются «Лекции по энциклопедии права» Е.Н. Трубецкого (1909 г.), Г.Ф. Шершеневич существенно меняет свой взгляд на субъекты права, допуская критику теории фикции, обнаруживая принципиальное сходство между физическими и юридическими лицами. В очередном издании его учебника по гражданскому праву (1911 г.) можно прочесть следующее: «Основная ошибка теории фикции заключается в том, что она предположила, будто человек становится субъектом права в силу своей человеческой природы; субъект права, потому что человек, или — человек, а следовательно, субъект права... В действительности всякий субъект есть создание объективного права. Субъекты — это те центры, около которых волей закона объединяются юридические отношения, образуя обособленные комплексы. Здесь мы обнаруживаем основную ошибку теории германистов, которые во что бы то ни стало искали в субъекте реальности, тогда как субъект права есть только юридическое представление, все равно, идет ли речь о юридическом или о физическом лице» [2]. Особенно интересно в этой цитате окончание: физические и юридические лица одинаковы в том смысле, что являются лишь юридическими представлениями и не нужно искать в них реальность. Годом раньше в «Общей теории права» (1910 г.) Г.Ф. Шершеневич написал: «Субъект права — это тот, кому объективное право присваивает в юридическом отношении субъективное право. Субъект права иначе называется лицом... Субъект права — не антропологическое, а чисто юридическое представление. Субъект права не то же самое, что человек, — это только одно его свойство, созданное объективным правом» [8]. Физическое лицо в понимании Г.Ф. Шершеневича — это субъект права, лишь «совпадающий с человеком», а не сам человек.

Е.Н. Трубецкой и Г.Ф. Шершеневич солидарны в том, что о субъекте права можно говорить, отвлекаясь от человека, даже если речь идет о физи-

ческом лице. Но, может, то были совершенно новые идеи и потому они не успели распространиться в отечественном правоведении? История российской юриспруденции говорит обратное. Вот слова, принадлежащие Н.Л. Дювернуа: «Понятие личности в гражданском праве может быть отождествлено с понятием конкретной гражданской правоспособности» [4, с. 237]. В своем сочинении Н.Л. Дювернуа с поразительной настойчивостью поддерживает ту мысль, что лицо в гражданском праве — это гражданская правоспособность. С некоторым сожалением он дает такую характеристику своим современникам: их правосознание не ставит понятия личности так обособленно от человека, как это было у римлян [4, с. 245]. Н.Л. Дювернуа для Г.Ф. Шершеневича и Е.Н. Трубецкого — представитель предыдущего поколения юристов, и его уверенное разграничение человека и лица, да еще снабженное апелляцией к римской правовой традиции, не позволяет сомневаться в том, что все эти ученые, может быть, даже независимо друг от друга, работали в каком-то общем древнем русле цивилистической мысли [9, с. 17–19].

Взгляд на лицо в праве как на человека Е.В. Богданов сегодня называет антропоморфизмом в юриспруденции. Правда, такую характеристику он дает сложившемуся учению о юридическом лице. Е.В. Богданов призывает покончить с мифологизацией юридического лица, обезчеловечить его, высказывается в поддержку таких теорий, которые соответствуют объективному положению дел: юридическое лицо — всего лишь инструмент участия человека в гражданском обороте [10, с. 36–46]. С мнением Е.В. Богданова можно согласиться с одним условием: обезчеловечивание в юриспруденции должно начинаться с физического лица. Сложно понять, почему одно лицо (физическое) — это сам человек, а другое лицо (юридическое) — средство деятельности человека. Всякое лицо в гражданском праве — это средство деятельности человека. Разные средства. Так говорят классики.

Практичность понимания физического лица как юридического образа человека, его правоспособности может быть показана и на таком примере: различая человека и его физическое лицо, можно обосновать сохранение и защиту субъективного права авторства и права на имя после смерти человека, создавшего произведение. Непередаваемость личных неимущественных прав не обуславливает их прекращение в момент смерти автора. Потеря человека в общественной жизни, компенсированная соответствующим физическим лицом в правовых отношениях, устраняет противоречие между непередаваемостью личных неимущественных прав и сохранением их даже после смерти автора. Дело в том, что такое свойство личных неимущественных прав,

как их непередаваемость, соотносится не с человеком как смертным участником общественной жизни, а скорее с его физическим лицом. Поскольку физическое лицо не отождествляется с человеком, т.е. субъект правоотношений остается только юридическим представлением человека, постольку утрата человека не обязательно приводит к потере субъективных прав, возникших при его жизни и сохранившихся к моменту его смерти. Если в этом есть необходимость (как в случае с правом авторства и правом на имя), законодатель может задержать субъективные права возле физического лица умершего человека. Другие права перейдут к наследникам (например, право собственности) или прекратятся (например, права на жизнь и здоровье). К сожалению, в законодательстве нашла отражение идея прекращения права авторства и права на имя после смерти человека, создавшего произведение (ст. 1228 ГК РФ). В качестве объекта защиты названы авторство и имя автора, а не право авторства и не право на имя.

Для сравнения: С.А. Слипченко иным путем приходит к тем же результатам — право на имя после смерти соответствующего человека не прекращается и подлежит защите. С.А. Слипченко склонен решать проблему сохранения личных неимущественных прав, жертвуя таким свойством прав, как их непередаваемость: права сохраняются, потому что пе-

реходят к другим лицам. Не претендуя на полное и окончательное решение затронутой проблемы, С.А. Слипченко приводит следующий пример: Федеральный суд Германии, рассматривая дело о возможности наследования права на имя Марлен Дитрих, установил, что «имущественная составляющая права на указанное благо переходит по наследству» [11, с. 46]. Примечательно, что суд не признал передаваемость субъективного права целиком (во всяком случае, С.А. Слипченко об этом не пишет). Если даже допустить передаваемость «имущественной составляющей» права на имя, останется вопрос о судьбе другой его части, не связанной с коммерческим использованием имени умершего человека. Такое разделение элементов единого субъективного права придется проводить, и потребность в субъекте непередаваемой части права сохранится. Физическое лицо умершего человека здесь будет весьма полезным.

Еще можно заметить, что, удаляя физическое лицо от человека, мы юридическое лицо к нему приближаем. В конечном счете и то, и другое лицо становятся на одинаковом расстоянии от человека, служа ему в праве по-разному. Осознанное разделение человека и лица делает более понятными феномен юридического лица как средства деятельности человека и некоторые другие явления [12, с. 433–454].

Библиографический список

1. Новицкий И.Б. Римское право. — М., 1994.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. — § 13 [Электронный ресурс]. — URL : <http://study.garant.ru/#%2Fdocument%2F3942749%2Fparagraph%2F268%3A0/> (дата обращения 23.03.2018).
3. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права [Электронный ресурс]. — URL : <http://civil.consultant.ru/reprint/books/112/> (дата обращения 23.03.2018).
4. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву : введение. Учение о лице. — Т. 1. — М., 2004.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). — М., 1995.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.).
7. Бабаев А.Б., Белов В.А. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении // Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики. — М., 2007.
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т III–IV. — Т. III. — § 62 [Электронный ресурс]. — URL : <http://study.garant.ru/#%2Fdocument%2F3973991%3A0/> (дата обращения 23.03.2018).
9. Гаджиев Г.А. Онтология права. — М., 2013.
10. Отдельные проблемы гражданского права : учеб. пособие / Е.В. Богданов, Д.Е. Богданов, Е.Е. Богданова. — М., 2010.
11. Слипченко С.А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. — 2011. — № 2.
12. Пятков Д.В. Государственные корпорации и кризис учения о лицах в российском гражданском праве (классики и современность) // Очерки конституционной экономики. 10 декабря 2010 г. : госкорпорации — юридические лица публичного права. — М., 2010.